

- ¹⁸ Здесь уместно вспомнить тезис В. Шубарта о русской культуре как о «культуре конца», «переходной» культуре с логикой перманентных разрывов: Шубарт В. Европа и душа Востока. – М., 2000.
- ¹⁹ Левада Ю. «Человек советский» десять лет спустя: 1989 – 1999 гг. // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. – М., 1999, № 3. – С. 10.
- ²⁰ Беньямин В. О понятии истории // Худож. Журнал. – 1995, № 7. – С. 9.
- ²¹ Барт Р. Мифологии. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – С. 271.
- ²² Николаева Е. В. Исторические символы в российском рекламном дискурсе как конструкты национальной идентичности // Семиозис и культура. – Сб. научн. статей. – Вып. 2 / Под общ. ред. И. Е. Фадеевой. Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2006. – С. 232 – 238.
- ²³ Беловинский Л. В. Культурно-исторические аспекты повседневности: содержание, структура и динамика. Дисс... доктора ист.наук. – М.: РГГУ, 2003. – С. 74.
- ²⁴ См.: Николаева Е. В. Исторические традиции в культуре повседневности // Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов. – Сб. научн. статей. – М.: РГГУ, 2001. – С. 189 – 198.
- ²⁵ См.: Николаева Е. В. Переходная культура и миф о начальном времени // Между обществом и властью: массовые жанры от 20-х к 80-м годам XX века. – М.: Индрик, 2002. – С. 310 – 311.
- ²⁶ Гудков Л. Д. Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. – № 2, 1997. – С. 22.
- ²⁷ Назовем так достижение архетипа Смысла коллективным бессознательным – вслед за К. Юнгом, использовавшим термин личностная индивидуация для уровня индивидуального бессознательного. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К. Г. Архетип и символ. – М., 1991.
- ²⁸ См. подробнее: Николаева Е. В. Исторические цитаты в тексте повседневности: пафос и ирония // Вестник МГУДТ. Сборник научн. трудов. – Вып. 4 (46). – М.: ИИЦ МГУДТ, 2005. – С. 9 – 16.
- ²⁹ Барт Р. Цит. соч. С. 234.

С. В. Юрлова

Новая модель праздничной культуры и проблема национальной идентичности

Современный человек живет в быстро меняющемся мире и должен стремительно изменяться сам. Однако бесконечная текучесть социального бытия должна компенсироваться устойчивостью его фундаментальных основ. Одной из таких основ является осознание собственной национальной идентичности. Каждый из нас должен ощущать принадлежность к социальной общности, это дает и ощущение защищенности и одновременно социальной значимости индивидуального бытия. Современная культура и ее важнейший компонент — массмедиа, скорее затрудняет, чем способствует этому процессу.

В традиционном обществе, и даже в жизни человека начала XX века его национально-культурная идентичность поддерживалась и воспроизводилась в структурах повседневного бытия. Современный человек благодаря масс-медиа непрерывно соприкасается с «чужой» культурой, находясь одновременно и в своем повседневном мире и в мире как таковом. Происходит естественный процесс размывания не только государственных границ, но и границ национальной идентичности. Идея мультикультурности за последние десятилетия утвердилась не только в научных исследованиях, но и в умах политиков и общественных деятелей. Однако признание культурного и национального многообразия еще более остро ставит проблему собственной идентичности.

Для современного россиянина проблема национальной и культурной идентичности одна из самых актуальных. Кризис девяностых годов миновал, наступил период стабилизации экономики и социальных отношений, однако вопрос о том, в чем специфика сегодняшней ситуации в России открылся новой стороной. Действительно последние пятнадцать лет страна в целом и каждый в отдельности стремиться ответить не только на традиционный для российского самосознания вопрос — «куда мы идем?», но и на новый вариант того же вопроса — «кто мы?» Этот процесс проявляется в различных сферах социального бытия: в дискуссиях ученых и общественных деятелей в средствах массовой информации, в появлении патриотических настроений в молодежной среде (разумеется, речь идет о позитивных, а не агрессивно-националистических настроениях), в стремлении государства сформулировать национальную идею, и тому подобное.

В современной России трудность осознания собственной национальной и государственной идентичности связана с рядом исторических и современных факторов. Начнем с того, что сама формулировка — «национальная и государственная идентичность» имеет глубокий смысл. По мнению В. Тишкова, директора института этнологии РАН в основе нашей идентичности всегда лежал «гражданский национализм». Даже процесс обрусения

характерный для XVIII — XIX вв. носил скорее административный, чем этнонациональный характер. Вторая важнейшая особенность (приобретшая со временем оттенки банальности) состоит в том, что историческое самосознание российского народа всегда имело две существенные доминанты — самобытность и мессианство. Важно, что эти идеи существовали в равной степени, как на уровне государственной идеологии, так и в ментальных структурах сознания людей.

Падение Российской империи и революция на первый взгляд должны были разрушить основы национальной идентичности, однако этого не произошло. Напротив, после «разброда и шатаний» послереволюционного периода начинает складываться новая государственность и формироваться новая национально-культурная идентичность. В свете вышесказанного эти два процесса были неразрывны.

Характерно, что в основу новой идентичности в значительной степени легли традиционные ценности. Это может показаться странным в контексте главной идеи социализма. Хорошо известно, что доминирующая ценностная парадигма коммунистической идеи в ее большевистской версии состояла в противопоставлении «нового» мира «старому», смене всей системы координат. Предшествующая традиция должна быть отвергнута как буржуазная и враждебная пролетарскому государству. Наступление велось по всем «фронтам» — новая идеология, новый человек, новое искусство и т. п. «Сбросим Пушкина с корабля истории!». Однако еще Н. Бердяев в своей блестящей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» показал, что с одной стороны русский коммунизм явление мировое и интернациональное, с другой стороны — явление русское и национальное. «Этот «ортодоксальный» марксизм, который в действительности был по-русски трансформированным марксизмом, воспринял, прежде всего, не детерминистическую, эволюционную, научную сторону марксизма, а его мессианскую, мифотворческую, религиозную сторону, допускающую экзальтацию революционной воли, выдвигающую на первый план революцион-

ную борьбу пролетариата, руководимую организованным меньшинством, вдохновленным сознательной пролетарской идеей».¹ Строительство новой идеологии и государственности легко актуализировало идею мессианства русского народа, позволяющую опереться на национальное самосознание, заменив национализм идеей интернационализма, а понятие «русский народ» на «советский народ». Более того, идея имперскости, которая составляла один из аспектов концепции «Москва — третий Рим» чрезвычайно импонировала власти в период закрепления тоталитарной модели.

В период существования СССР, процессы осознания собственной идентичности отличались сложным и противоречивым характером. С одной стороны, в ее основе по-прежнему лежала идея принадлежности к единому государству; с другой стороны, как это ни парадоксально, трансформация национальной идентичности в большей степени проявилась у русского населения СССР. За время господства социалистической идеологии национальная идентичность русских почти растворилась в государственной. Если представители национальных республик в СССР имели формы культуры, в которых реализовывали свою национальную идентичность, то русские таковые имели значительно в меньшей степени, ибо по умолчанию предполагалось, что русское и есть советское. Интересно, что эта тождественность легко просматривалась во «взгляде со стороны» — любой житель СССР, независимо от этнонациональной принадлежности, за границей считался и назывался «русским» (кстати, так происходит и сейчас). На мой взгляд, даже последние события в Эстонии (и вообще позиция ряда прибалтийских государств) несет на себе следы такого отождествления. Современным россиянам кажутся странными обвинения в оккупации и угнетении прибалтийских государств именно потому, что оккупантом должен считаться (если с этим согласиться) Советский Союз, а не Россия. Однако в глазах большинства мировой общественности СССР и есть Россия.

Стремительные социальные изменения начала 1990-х годов и распад Советского Союза в своей основе кроме

экономических и политических причин имел и кризис национальной (государственной) идеи. Все устремления как внутри самой России, так и в отделившихся от нее территориях независимых республик-государств определялись отрицанием СССР, были в определенном смысле «антисоветскими». Как верно указывает Е. Гайдар — «В основе политической идеологии движений, задача которых — обретение национальной независимости, разрушение империи, нередко лежит эксплуатация чувств, направленных против ранее доминирующего этноса. Это не та политическая конструкция, при которой можно ждать политкорректности в отношении тех, кто принадлежал к привилегированной нации»². Это верно, однако есть одно «но» — привилегированность русской нации в СССР проявлялась крайне ограничено (в основном в форме доминирования русского языка, выполнявшего одновременно две функции: государственного и языка межнационального общения). Именно поэтому распад СССР привел к утрате национальной идентичности в первую очередь русской части населения. Утрата советскости как основания культурной идентичности привела к утрате идентичности значительной части общества, а новая модель идентичности стала выстраиваться по принципу антитезы — «мы несоветские».

Одной из важнейших форм культуры, в которых репрезентируется национально — культурная идентичность является праздник. Как пишет М. Бахтин: «Празднество (всякое) — очень важная *первичная форма* человеческой культуры».³ Праздники в культуре выполняют множество функций, одной из которых является функция самоидентификации и социально-культурной интеграции общества. Перефразируя известное выражение, можно сказать — «Скажи мне, что ты празднуешь, и я скажу кто ты». Праздники всегда выступают некоей внешней реализацией и персонификацией смысловых точек культуры. Человек не может обойтись без праздника. Более того, для его целостного существования недостаточно и праздников «внутренних» (семейных, корпоративных и др.), необходимы и те формы праздничной культуры, кото-

рые «вписывают» человека в единство социального бытия как макро целостности. «Праздничное единение может происходить и в скорби. Но в празднике всегда заключено нечто возвышающее, что извлекает из обыденности тех, кто в нем участвует, и поднимает всех до некой всеохватывающей общности».⁴ Говоря о глубинной связи праздничной модели культуры и проблемы национальной идентичности применительно к России, необходимо учитывать проанализированный выше специфический характер государственно-национального варианта идентичности. Именно поэтому предметом нашего анализа и будут государственные праздники современной России.

Всякая государственная власть (и наша не исключение) стремится закрепится во внешних формах повседневной культуры, отдавая себе отчет в том, что праздник не может существовать только «на бумаге», а должен реализовываться в формах повседневной культуры. Именно поэтому начало 2005 года ознаменовалось появлением среди прочих новаций нашего законотворчества новой модели государственных праздников. На наш взгляд, важно понять как в появлении или исчезновении того или иного государственного праздника реализуется трансформация государственно-национальной идентичности современного российского общества.

Статус государственного праздника предполагает ряд формальных и содержательных моментов. Обратимся для начала к чисто формальному аспекту. Закрепление за праздником статуса государственного предполагает превращение его даты в выходной день (справедливости ради стоит заметить, что это касается только ключевых, главных праздников). Открываю свой ежедневник за 1980 год (старая привычка хранить записные книжки) — «красных дней календаря» насчитывается всего пять: Новый год (1 января), Международный женский день (8 марта), Международный день солидарности трудящихся (1 мая), День Победы (9 мая) и, наконец, День Великой Октябрьской революции (7 ноября). Прделаем ту же операцию с ежедневником 2007 года — «красных дней календаря» уже восемь: Новый год, Рождество (7 января), День российс-

кой армии (23 февраля), Международный женский день (8 марта), Праздник Весны и труда (1 мая), День Победы (9 мая), День России (12 июня), День народного единства (4 ноября).

Следующим шагом нашего анализа будет последовательное рассмотрение смыслового компонента каждого праздника, а так же его реализации в культурных практиках.

Выбор праздников, который мы делаем, определяется не только их фиксированностью в государственном календаре, но и еще одним немаловажным моментом. Любой праздник реализуется в культурной традиции не только в календарной модели, но и в реальных практиках (включая устойчивые обычаи празднования). «Праздник имеет место, пока он празднуется»⁵.

Исследование проблемы трансформации праздничной модели культуры современной России предполагает не только сравнительный анализ старых и новых праздников, но и рассмотрение последовательного преобразования их культурного смысла.

Первый из вышеперечисленных праздников — Новый год — особого интереса в контексте нашего исследования не представляет. Его культурный смысл и традиции празднования существенных изменений не претерпели. Исключение составляет лишь, история появления в советской праздничной модели данного праздника. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, хотелось бы обратить внимание на одну его особенность. Появление в 1930-е годы в СССР Нового года как государственного праздника было призвано вытеснить «антисоветский» обычай праздновать Рождество Христово, чем и объясняется перенесение рождественских традиций на празднование Нового года.

Несколько названных ранее праздничных дат остались на своих местах, однако в значительной степени изменилось их содержание и статус в культуре.

Наиболее устойчивое положение в культуре занимают два «старых» праздника — 23 февраля и 8 марта. Их историческое рождение, разумеется, было предопределено

новой политической реальностью послереволюционной России. 8 марта — это дата проведения демонстрации американских социалисток за гражданские права в 1909 году. Никогда не бывший праздником (как и 1 мая) в самих США, этот день в России отмечался и до революции. В первые годы советской власти идеологическое и историческое содержание даты сохранялось — он праздновался как день освобожденного труда (День работницы) и день женской солидарности в борьбе за гражданские права. Однако с течением времени исторический контекст как-то забылся и во времена развитого социализма этот день стал Женским днем (государство в 1965 году окончательно закрепило за ним статус официального праздника, сделав его выходным).

День 23 февраля изменялся скорее внешне, чем в смысловом поле, последовательно превращаясь из Дня Советской армии и Военно-морского флота в День защитника Отечества. Любопытно, что на протяжении всей истории его существования идеологическая и историческая составляющая оттеснялась на периферию. Главный смысл был и остается один — это Мужской день⁶. Уже в середине 1960-х годов 8 марта и 23 февраля сложились в устойчивую гендерную «пару» и утратили первоначальный смысл. Именно этим и объясняется «нетронутость» этих праздников в изменившейся России. Современные россияне независимо от возрастного статуса по-прежнему дарят женщинам цветы и подарки дома и на работе, в школе и в институте именно 8 марта. Я думаю, это и привело к тому, что попытка ввести День Матери не удалась. Такой день в сознании общества уже есть. Тоже самое касается и 23 февраля. В этот день женская половина общества поздравляет мужчин независимо от их принадлежности к российской армии.

Следующая дата — 1 мая — праздник, превратившийся из Международного дня солидарности трудящихся в Праздник Весны и Труда. Советская культура имела устойчивую традицию празднования Первомая. Этот праздник всегда имел не только идеологическое содержание, но и культурные практики, в которых оно фиксирова-

лось. Главным мероприятием всегда была демонстрация. Важнейшим ее смыслом была реализация социального единства советского общества, которое имело ряд важных моментов. Во-первых, пространственная организация движения людей на демонстрации, когда мимо трибуны с представителями власти, в строгом порядке проходят представители трудовых коллективов и в момент приближения колонны к трибуне диктор приветствует проходящих, поздравляя их с новыми трудовыми успехами, призвана была наглядно демонстрировать единство власти и народа. Во-вторых, праздничное настроение, характерное для Первомайской демонстрации, было связано с возможностью неформального общения с коллегами по работе. Люди приходили на праздник вместе с детьми и нередко демонстрация заканчивалась совместным застольем (даже если «столом» была скамейка в парке или сквере). Постепенно идеологическая функция праздника вытеснялась коммуникативной. С разрушением старой модели культуры в начале 1990-х годов исчезла традиция Первомайской демонстрации. На первый план выходит митинг, как способ выражения нарождающегося гражданского самосознания, но митинг имеет другую социальную природу. Современный россиянин не имеет культурных практик, в которых фиксируется содержание данного праздника. Именно поэтому для большинства людей 1 мая — дополнительный выходной день, который люди проводят на природе или на приусадебных участках.

На сегодняшний день существует только один праздник не вызывающий никаких сомнений в своей социальной значимости — это День Победы. Подавляющее большинство россиян независимо от политических убеждений, вероисповедания, пола и возраста считают этот день главным Праздником и Священным днем нашей истории. Важной особенностью Дня Победы является соединение в нем социального и экзистенциального смыслов. Война прошла через судьбы всего российского народа, каждая семья, так или иначе, помнит страшные испытания военных лет. Эта память поддерживается не государством и идеологическими лозунгами, а живой памятью народа.

Для многих семей День Победы является не только и не столько государственным праздником, а глубоко личным, семейным. Не только семьи ветеранов Великой Отечественной войны отмечают этот день; многие другие, собираясь за праздничным столом, вспоминают погибших за Родину. Сохранение и актуальность культурно-исторического смысла праздника является основой его реального (а не формального) бытия в культуре современной России. Осмелюсь утверждать, что *День Победы — единственный день в году, когда на вопрос «Кто мы?» общество знает ответ, принимаемый всеми — «Мы — народ победитель!»*. Актуальность этого праздника определяется не только сохранением его главного содержания, но и закреплением его в ритуально-обрядовых формах культуры. Формы эти различны и включают в себя как исторически-сложившиеся, так и возникшие недавно. На государственном уровне к таким формам относятся обряд возложения венков к могилам павших на полях сражений, и, разумеется, военный парад на Красной площади и в крупных городах России. Особенно ярко эти формы «звучали» в 2005 году — году празднования шестидесятилетия Победы. В этом году празднования 9 мая прошли как нельзя более торжественно и широко. Особо хотелось бы отметить новую форму, инициированную рядом общественных организаций — акцию «Георгиевская ленточка». На мой взгляд, это очень важно для актуализации и закрепления исторического и социально-организующего смысла Дня Победы. Каждый человек, закрепивший на своей одежде или автомобиле георгиевскую ленточку как символ России-победительницы, тем самым включает себя как в сегодняшнее единение народа, так и общность его исторической судьбы. Кроме того, активную роль в этом случае играют и массмедиа. Все теле- и радиоканалы в дня празднования Победы стремятся не только поздравить ветеранов, но и ищут новые формы актуализации исторического смысла события произошедшего 9 мая 1945 года в сознании постсоветского поколения. День Победы — это тот редкий праздник, когда пропагандистские акции и действия государства находят понимание и поддержку российского народа.

Рождество Христово, наряду с Новым годом, праздник лишенный идеологического содержания и не связан с советской культурной традицией. На первый взгляд, возвращение Рождества Христова в праздничный календарь закономерно, ибо история и культура России органически связана с православной традицией. Однако сам факт появления в праздничной модели православной даты (пусть и столь значимой как Рождество Христово) вызвал в обществе неоднозначную реакцию. Сошлемся в связи с этим на мнение Андрея Николаевича Сахарова, директора Института российской истории РАН. Вот, что он говорит: «Россия является светским государством. Церковь у нас отделена от государства и государство от церкви. Кроме того, Россия является много конфессиональной страной. И потому, было бы логичным сохранять эту светскость и применительно к установлению государственных праздников, либо, если какие-то исключения и будут существовать или существуют, в частности, праздники Рождества Христова и Пасхи, то, я думаю, следовало бы в связи с этим рассмотреть вопрос и относительно того, чтобы обратить внимание на крупнейшие мировые праздники, скажем, мусульманского мира, и каких-то других религий»⁷. Безусловно, следует согласиться с уважаемым ученым, тем более что Русская Православная Церковь проявляет повышенную активность в утверждении в массовом сознании идеи православия как основы национально-государственной идентичности.

К числу новых праздников относится 12 июня — День России. История этой даты такова. В 1994 году первый президент России Борис Ельцин своим указом придает 12 июня государственное значение — День принятия декларации о государственном суверенитете России. Сам документ был подписан четырьмя годами ранее на первом съезде народных депутатов РСФСР в условиях, когда бывшие республики Советского Союза одна за другой становились независимыми. Кроме того, 12 июня помимо «независимости» наша страна обрела первого всенародно избранного президента. Официально новое название

праздник получил лишь 1 февраля 2002 года, когда в силу вступили положения нового Трудового кодекса.

С самого начала провозглашения нового праздника он вызвал неоднозначную реакцию. Первый возникающий вопрос — независимость от кого? Появление такого вопроса связано с уже обозначенной нами выше особенностью самоидентификации нашего общества — отождествление СССР и России. Однако проблема функционирования Дня России не только в этом. На сегодняшний момент День России не получил необходимого содержательного наполнения, возможно потому, что история этой даты очень близка и не ясно какое место будет Дню России отведено в нашей исторической памяти. Кроме того, сегодня не существует адекватных обрядовых форм культуры, в которых бы фиксировалась и реализовывалась социально-интегрирующая функция праздника. 12 июня продолжает существовать в сознании большинства россиян как дополнительный выходной день и не более.

Самый «молодой» среди современных праздников — 4 ноября День народного единства, однако именно в нем сконцентрировался узел проблемы трансформации праздничной модели в российской культуре. Начнем с того, что в сознании большинства людей этот праздник возник как альтернатива празднованию дня Октябрьской революции. Хотя появление этой даты в календаре имеет другие причины (о чем будет сказано далее), хронологическая близость 7 и 4 ноября и привела к такого рода восприятию нового праздника. В контексте наших рассуждений важно, что «превращение» 7 ноября в 4 ноября наиболее полно отражает процесс трансформации государственно-национальной идентичности, воплощаемой в государственных праздниках.

7 ноября день Октябрьской революции — главный праздник советского календаря. Доминирующая особенность этого праздника — это его идеологическое содержание. Именно идея рождения нового мира и разрушения старого, понимание даты 7 ноября (25 октября) как исходной точки новой модели исторического времени определяла его и главенство в советскую эпоху. Однако с те-

чением времени идеология ослабевала и на первый план выходила коммуникативная функция. В течение первых лет существования постсоветской России 7 ноября оставался праздничной датой и продолжал нести ту же, что и раньше смысловую нагрузку. Именно в этот день происходили наиболее масштабные и массовые мероприятия, проводимые КПРФ. С распадом СССР и разрушением старой системы ценностей именно эта дата оказалась в точке пересечения социально-идеологических проблем. Попытка «сверху» изменить смысловую характеристику ноябрьского праздника («превращение» его в День согласия и примирения) только подчеркнула его идеологическую детерминированность. День согласия и примирения воспринимался скорее как день политического противостояния, и в значительной мере отражал произошедший раскол общества. В новых условиях старый праздник оказался неспособным к выполнению социально-интегративной функции, не говоря уже об идеологической.

Идея сделать праздничным день 4 ноября как День народного единства, была высказана Межрелигиозным советом России в сентябре 2004 года. Она была поддержана думским комитетом по труду и социальной политике, и, таким образом, приобрела статус думской инициативы. 27 декабря 2004 года проект был принят в третьем чтении и стал законом. Так в 2005 году мы получили новый праздник, само появление которого явилось попыткой найти в нашей истории ту «точку», которая объединит общество и принесет положительный смысл в осознание собственной идентичности. Неслучайно имя нового праздника — День народного единства. В этой связи нужно отметить, что процесс формирования нашей идентичности на сегодняшний момент явно обладает негативным характером. Чаще всего на вопрос «кто мы?» — ответ прост «мы не советские», а на вопрос «какие мы?» всплывают на поверхность все «ужасы» нашей идентичности (ленивые, неевропейские, неспособные к восприятию демократии, мечтающие о «сильной руке» и т. п.). Разумеется, ни один народ не может строить свою идентичность на отрицании самого себя. Однако как уже было сказано только

один праздник — День Победы несет в себе живую идею гордости за свою страну и свой народ. Сущность государственного праздника как раз и состоит в том, что он призван быть средоточием основных общенародных тенденций самого позитивного и благородного начала, которое способствовало бы процветанию народа, сохранению его государственности и культуры. Обоснованность выбора даты нового праздника связывается с переломным периодом в российской истории. Сошлемся еще раз на мнение авторитетного историка. А. Сахаров, отвечая на вопрос «почему сегодня вдруг встал вопрос о праздновании этой даты?» говорит: «В период смуты рухнула российская государственность. Распалась приказная система. Разрушилась армия. Грабежи и разбои захватили всю страну. Наблюдался упадок культуры. Страну разъедал регионализм и сепаратизм. Каждый город, каждый уезд перестали себя ощущать частью единого государства, единой страны. В нашу внутреннюю смуту вмешались поляки и шведы. И понятно, что освобождение Кремля, воссоздание российского государства, воссоздание российского правления, армии, экономики содействовало общему цивилизационному возрождению, и дало замечательную основу для будущего России. Вот почему мы возвращаемся к этой дате»⁸. Кроме того, большинство сторонников этой новации ссылаются на важнейшую особенность праздника вообще — праздник возникает не по властному приказу, а как стихийный, истинно народный. Праздник существует в культуре по своим законам, связанным не только с внешней социальной детерминацией, но и с внутренней потребностью как социума целом, так и каждого человека в отдельности. Именно таким и был, по всей вероятности, этот праздник в дореволюционной России.⁹ Главный вопрос на сегодняшний день — станет ли новый «красный день календаря» настоящим праздником единения россиян в своем сегодняшнем дне и со своей историей. На мой взгляд, однозначного ответа на этот вопрос нет. С одной стороны, исторический факт победы над иноземными захватчиками и единение народа в этой борьбе перекликается с

вариантом идентичности, закреплённом в празднике 9 мая — мы народ победитель! С другой — память об этом историческом событии стерлась за годы советской власти, и актуализировать ее содержание будет трудно. Кроме того, как и в случае с Днем России отсутствуют (и не особенно активно реализуются в культурно-информационной политике государства) обрядовые формы репрезентации, как самого исторического события, так и его значения для современной России. Если мы хотим, чтобы 4 ноября действительно стал Днем народного единства необходимо не просто пропагандировать новый праздник, а раскрывать многогранность и сложность нашей истории в ее эволюции, выявляя ключевые моменты, как в становлении государственности, так и самосознания российского общества.

Подведем некоторые итоги. Новая праздничная модель находится в стадии становления. На сегодняшний момент те только не сложилась единая модель праздничной культуры, но и некоторые праздничные даты отличает размытость их социо-культурного содержания. С другой стороны, в появлении новых праздничных дат фиксирующих единство и идентичность нашего общества (таких как День России и День народного единства) нет необходимости. И не потому, что в нашей истории нет событий достойных народной памяти. Праздников, в которых российское общество ощущает свое государственно-национальное единство и реализует свою культурную идентичность, не может быть много. Всякая новация в этой сфере со стороны власти важна, но не она определяет будущее праздника в России, ибо по сути дела он всегда является *единством социально-необходимого и индивидуально-свободного бытия*. Рождение государственного праздника в культурной традиции всегда происходит в результате встречного движения власти и идеологии и общественного самосознания. Возможно, существующая на сегодняшний момент модель праздничной культуры формально и не претерпит существенных изменений, однако процесс превращения праздничной даты в значимое событие для каждого россиянина будет долгим и трудным.

Примечания

- ¹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма – М., 1990. – С. 88.
² Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки современной России. – М., 2007. – С. 48.
³ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса – М., 1990. С. 13 – 14.
⁴ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., Искусство, 1991. – С. 157.
⁵ Гадамер Г.-Г. Истина и метод. – М., 1988. – С. 170.
⁶ Заметим, что выходным днем 23 февраля стал только в постсоветскую эпоху. Осмелимся предположить, что это связано с необходимостью закрепления статуса армии в современном российском обществе.
⁷ Сахаров А. Н. Праздничные дни. Как они появляются, и кто их устанавливает. www.inauka.ru
⁸ Там же.
⁹ Правда не следует забывать о том, что эта дата органично соединяла в себе светскую и религиозную составляющую культуры: день освобождения России от иноземцев и празднование иконы Казанской Божьей Матери.

Е. В. Орел

Усталость от культуры: современные стратегии деконструкции социального

Наблюдая за развитием теории и практики культуры, можно констатировать наличие парадоксальной ситуации, когда, с одной стороны, теории не могут договориться, как же собственно соотносятся такие явления как «социальное» и «культурное», в то время как проводимая государством политика достаточно последовательно дифференцирует соответствующие сферы; с другой же стороны, именно реальная культурная и социальная политика демонстрирует свою полную невосприимчивость к тем формам культуры, которые производятся современной экономикой, в то время как культурологи и социологи, именно эти формы сделали главным предметом своих позитивных исследований.

В бурные перестроечные годы, получив свободу в экономической сфере, бывшие советские граждане, проявляя чудеса изворотливости, бросились во все тяжкие, стремясь претворить в жизнь известный тезис «Обогащайтесь». Но, как оказалось, экономическая свобода несла не только освобождение от необходимости работать на советское государство. Она освобождала и от необходимости читать